

Vocabulary of Rural Life of Bessarabian Germans in Danube Region (1814/1940) in Accident Reports

Natalia Golovina¹

Abstract: This article analyzes accident reports in the German colonies of Bessarabia (1814/1940), dated to the second half of the 19th century. The object of study is the problem of the relationship between language and culture, which is displayed in the structure of the text and makes it possible to establish the features of the way people exist, their knowledge, experience, result of activities and traditions. The question of the specifics of the vocabulary of accident reports in the colonies of German colonists in the south of Bessarabia continues to study German discourse in conditions of its separation from the main range and is an important element in realizing the task of its reconstruction and preservation. The paper uses the approach of observing the lexical-semantic microfield “rural life” and its linguocultural description. The results of the work are of interest for the lexicology of the German language (sections: semantics, onomastics, word formation), regional studies of Germany, regional studies, as well as the history of Ukraine and has a implications of theoretical and practical training of students in the specialty “German language”. The value of the work is its novelty, relevance of the chosen topic, as well as the author’s original approach to the analysis of the lexical level of historical texts using cultural commentary related to objects of nomination of rural household items of German colonists.

Keywords: text; lexical nomination; semantic structure; lexical-semantic group; language marker; cultural specificity

Приятно отметить, что с недавних пор период истории немецких колоний в Дунайском регионе 1814 – 1940 гг. стал одной из наиболее популярных тем для подробного изучения не только со стороны представителей Ассоциации бессарабских немцев (Bessarabiendeutscher Verein e. V.), в частности, профессора Свободного университета Берлина (Freie Universität Berlin) Уты Шмидт (Schmidt, 2008), а также многих краеведов Украины, таких, как В. Кубякин, П. Узунов, С. Павалука, А. Козик, но и в значительной степени определил перспективы его лингвистического анализа на материале разных видов дискурса: социально-экономического (Golovina, 2018, pp. 110-122), ритуального (Golovina, 2019, pp. 131-143), народно-медицинского (Golovina,

¹ Associate Professor, PhD, Izmil State University of Humanities, Ukraine, Address: Repina St, 12, Izmil, Odessa Region, Ukraine, 68601, Tel.: +38 (04841)51388, Corresponding author: golovinanb2017@gmail.com.

2017, pp. 83-100), художественного (Golovina, 2019, pp. 346-350). Вместе с тем значительные по объему и содержанию информация о жизни людей в бессарабских немецких колониях, хранящаяся в книгах, газетах, архивах и других источниках, пока еще находится в состоянии ожидания своего научного обозрения. В частности, к таким недостаточно изученным текстам относятся сообщения о несчастных случаях в немецких селах, которые наряду с историко-краеведческим интересом представляют ценный материал для исследования специфики лексических единиц семантического микрополя “сельский быт”, определяющих его лингвокультурные особенности в конкретных территориальных и временных границах.

Практическая значимость исследования исторического периода немецкой колонизации Бессарабии (1814/1940) в аспекте лингвокультурологии определяется применимостью его результатов как для расширения и систематизации научных знаний о немецком языке в условиях его лингвокультурного эксклава, совершенствования навыков работы с текстовым материалом немецкого колониального дискурса, так и для глубокого и серьезного изучения включенных в него сведений о взаимосвязи языка и культуры, благодаря которой в обществе достигаются гармония, согласованность, слаженность и стабильность.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является лексика с семантическим компонентом “сельский быт”, зафиксированная в сообщениях о несчастных случаях в колонии Альт-Посталь (1839 – 1940), анализ которых осуществляется в лингвокультурологическом аспекте, позволяющем осветить разные стороны повседневной жизни немцев в Придунавье и ее национальную самобытность.

Сообщения указанной категории представляют собой группу малоформатных текстов с функцией информирования о происшедшем трагическом событии, повлекшим за собой гибель человека. Как законченная словесная единица сообщение о трагическом происшествии (далее – ТС), оформленное в соответствии с законами его адекватного восприятия и информационной точности, является коммуникативным, структурным и семантическим единством, для которого релевантными представляются следующие композиционно-фактуальные отношения между его элементами: “события” (субъекты действия + действия), “время”, “место” и “обстоятельства”. Что касается внутренней структуры, то объединяющим фактором исследуемых ТС является преобладание в них лексики предметно-материального мира традиционной сельской жизни.

С точки зрения денотативно-сигнификативной принадлежности данная лексика представлена двумя группами названий: живых существ и предметов неживой природы. К первой принадлежат единичные имена собственные, идентифицирующие человека (антропонимы), напр., *Martin Sauter, Katharina Rauser, Katharina Wittke, Albert Wiese, Andreas Fode, Josef Heier, Gottfried Schöttle, Friedrich Irion, Friederike Wittke, Alfred Schulz, Emanuel Fode* и др. и названия животных, относящиеся к

номинации домашних животных (зоонимы): *Pferd* – лошадь, *Kälbchen* – теленок, *Kuh* – корова. Ко второй группе относятся географические названия объектов (топонимы), созданные преимущественно человеком, напр., *Kreuzstraße*, *Alt-Posttal*, *Andrejewka*, *Tarutino*, *Kahul*, *Wischniowka*, *Jekaterinowka* и др., названия рода занятий, видов трудовой деятельности (*Bauer* – земледелец, *Schäfer* – пастух, *Kirchenvorsteher* – церковный староста, *Schulz* – староста, *Schmiedemeister* – кузнец, *Traubenernte* – сбор винограда, *Verputzarbeiten* – оштукатуривание), названия транспортных средств и составляющих их частей (*Fuhrwerk* – экипаж, *Wagen* – телега, *Deichsel* – дышло), названия сельскохозяйственных строений, бытовых помещений, специальных сооружений (*Windmühle* – ветряная мельница, *Küche* – кухня, *Keller* – подвал, *Grabenschlucht* – могильное ущелье, *Sandgrube* – песчаный карьер, *Lehmgrube* – глиняный карьер, *Gerüst* – строительные леса, *реиштование*), а также наименования некоторых бытовых средств, отдельных повседневно наблюдаемых и используемых предметов или явлений: *спирт*, *печь*, *окно*, *ведро*, *щетка*, *платье*, *огонь*. Самостоятельную семантическую группу слов в ТС образуют наименования различных травм органов человеческого тела, напр., *Brandwunden* – ожоги, *verletzter Brust* – травмированная грудь, *Beinbruch* – перелом ноги, *Blutvergiftung* – заражение крови, *Milzbrand* – сибирская язва, *innere Verletzungen* – повреждения внутренних органов, *verbrüht sein* – ошпариться и др.

Перечисленные группы слов, транслирующие понятие “сельский быт”, имеют разную частоту употребления в ТС, что позволяет выделить доминирующие тематические и лексико-семантические объединения слов по признаку на основании смысловой связанности обозначаемых объектов реальной действительности.

Обратимся к материалу.

По нашим наблюдениям, наибольшее количество трагичных случаев в немецких колониях было связано с гужевым транспортом и лошадьми, которые для земледельцев Бессарабии служили первыми помощниками в их домашнем хозяйстве. Для немецкого фермера его лошадь была своеобразной визитной карточкой, по которой с легкостью можно было определить социальное положение и материальные возможности хозяина. Вероятно, что именно поэтому каждый молодой человек во время своего первого визита к родителям невесты старался произвести как можно лучшее впечатление о себе благодаря личному конному транспорту (повозке, телеге, бричке, коляске, фэнтону), а особенно коню, которого тщательно готовил его к этому особенному выезду: устраивал ему хорошую помывку, расчесывал густым гребнем гриву и хвост, очищал специальной щеткой шкуру от пыли и грязи, натирал до блеска лошадиную упряжь, заботился о чистоте глаз, ушей и копыт животного.

Об особенном отношении немцев к лошадям и процветании коневодства в селах колонистов свидетельствуют многие документально подтвержденные исторические факты, с некоторыми из которых знакомят нас J. Kohl, U. Schmidt, G. Gäckle, E. Bisle:

“Die Haus- und Arbeitspferde, die alltäglichen Genossen des Menschen und seiner Mühe und Arbeit, deren die Edelleute und deutschen Kolonisten der Steppe immer eine Menge halten zum Spazierenfahren, Reiten, Ackern, zu Reisen und Warentransporten, deren aber der kosakische und bulgarische Bauer immer nur eins besitzt, das ihm bei kleinen Fahrten dient, wo er nicht gerade ein weitläufiges Ochsen-Zweigespann in Gang setzen will, leben in den Steppen so wie in ganz Rußland, und des Eigentümlichen ist bei ihnen nur wenig” (Kohl, 1841, p. 170).

“Das Kolonistenpferd, zu dessen Zucht sowohl Traber (Orlower und Araber) als auch Kaltblüter (Tambower, Ardenner und Oldenburger) herangezogen worden waren, war gut geformt und zugfest, wendig und schnell. Es eignete sich zur Landarbeit, aber auch zum Reiten und im Gespann für längere Fahrten mit dem Wagen oder im Winter mit dem Schlitten. Sowohl das russische als auch das rumänische Militär bezog die Pferde für seine Infanterie oder Kavallerie gern aus dem deutschen Pferdebestand und requirierte immer wieder ganze Bauernställe” (Schmidt, 2008, p. 177).

“Bei Kreuzungen zur Zuchtverbesserung hat man vielfach die Voll- und Warmblutrassen, wie die Araber und Orlower Traber, verwendet und so das leichte Reit- und Arbeitspferd gewonnen. Die Kreuzungen mit den Kaltblutrassen, wie Tambower und Oldenburger, erzeugten ein schweres Arbeitspferd. So entstand durch planmäßige Züchtung allmählich das schöne, schnelle und vielseitig brauchbare bessarabische Kolonistenpferd. Die Bauern und auch die sonstige Landbevölkerung liebten schöne und schnelle Pferde, auf die sie stolz waren und die sie als ihre besten Helfer schätzten” (Gäckle, 1983, p. 99).

“Pferde waren das Aushängeschild lind der Stolz des bessarabischen Bauern. Nach dem Zustand der Pferde und seinem Umgang mit ihnen wurde der Bauer eingeschätzt. Man konnte daran erkennen, ob er ein guter oder ein schlechter, ein armer oder ein reicher Bauer war. Ein Bauer, der seine Pferde schlecht behandelte, sie schlug, ihnen nicht genug Futter und Pflege zukommen ließ, war ein Liederjan. Die Pferde waren für den Bauern unentbehrlich! Sie wurden auf dem Felde benötigt zum Pflügen Eggen, Säen, Ernten und Mähen, bei der Mais- und Traubenlese (Herbsten) und schließlich auch zum Reiten. Spazierenfahren – im Sommer vorder Britschke (Federwagen) und im Winter vor dem Schlitten. Ein jeder Bauer war darum bemüht, seine Pferde gut im Futter und bei guter Pflege zu halten. Auf die Gesundheit der Pferde wurde besonders geachtet” (Bisle, 1993, p. 131).

Как видим, информация о лошадях в немецких колониях, размещенные в источниках разных периодов времени – первой половины XIX, конца XX и начала XXI века, характеризуется общим содержательным ядром, составляющими которого являются исторические факты, свидетельствующие о том, что, во-первых, это домашнее животное было незаменимым помощником в труде и отдыхе земледельца, а во-вторых, у немцев были усовершенствованные породы лошадей, полученные в результате их разведения и селекции с такими элитными породами, как орловская рысистая, арабская чистокровная, тамбовская, арденская и др., отличавшиеся, как известно,

своей особой выносливостью и силой. В свою очередь, это объясняет причину появления специального слова *Kolonistenpferd*, семантика которого кроме принадлежности домашнего животного колонистам включает такие компоненты, как: элитный, здоровый, сильный, гладкий, хорошо кормленный, ухоженный и ряд других определений с признаками положительной характеристики животного. Интересно, что для демонстрации этих и других высоких качеств “колониетского коня” в Тарутино, например, раз в два года устраивались соревнования лошадей, во время которых они мерялись своей силой как тягловые животные и как верховые лошади. Главным видом таких состязаний были скачки, участников которых для проверки их выносливости запрягали в телеги, наполненные доверху мешками с зерном. Соревнуясь в силе, быстроте выносливости, кони нередко демонстрировали своим хозяевам и друг и другу свой крутой нрав, особенно тогда, когда их запрягали парой. Об одном из таких случаев рассказал Вильгельм Деринг:

“Um 1937 versteigerte die Gemeinde Tarutino einen ihrer Zuchthengste. Zusammen mit meinem eigenen Hengst wollte ich das stolzeste Gespann in Tarutino haben. Ich bekam den Hengst ... Als ich die beiden Hengste zusammen einspannen wollte. ... bissen sie sich fast tot! Mit Mühe konnten wir sie auseinanderzerren und an ihren Trog binden. Nach langer Überlegung besorgte ich mir euren meterlangen Stock mit Ösen an den Enden. Diesen Stock hakten wir beim einen auf der linken Zaumseite ein, beim anderen auf der rechten. So wurden sie auf Distanz gehalten, und es blieb ihnen nichts anderes übrig, als schön Abstand zu halten und immer erhobenen Hauptes geradeaus zu schauen. Das waren meine schönsten “Paradehengste” (Bisle, 1993, p. 131).

Цена на лошадей немецких фермеров на известных бессарабских конных рынках Тарутино, Сараты и других была традиционно самой высокой, как впрочем, и самым высоким спрос на них со стороны жителей соседних сел – русских, молдаван, болгар, украинцев. Как правило, интересуясь выставленным на продажу конем, потенциальный покупатель спрашивал: “Откуда лошадь?” или “Это немецкий конь?”, что указывает на то, что лошадь немца была в то время в Бессарабии своего рода брендом, включающим целый набор ценных качеств, отличающих ее от остальных и делающих ее легко узнаваемой среди потребителей.

Наряду с положительными эмоциями, которые способны вызвать эти грациозные домашние животные, постоянный контакт людей с лошадьми нередко становился не только причиной инфицирования фермеров от больных животных, но и часто их трагической гибели, например, от удара тяжелого животного, падения с лошади, телеги (под либо между лошадьми, под телегу) или смертельной травмы от столкновения с дышлом (одиночная оглобля (между двумя лошадьми), укрепляемая к передней оси для поворота повозки при парной запряжке).

Проиллюстрируем подобные случаи ТС в оригинале.

О падении с телеги:

“1865 Jakob Kalmbach, vom Wagen gefallen”.

“1866 Jakob Kalmbach vom Wagen gefallen und tot. 14 Jahre alt”.

“1910 Maria Heier, geb. Heier, geb. etwa 1888 in Alt-Posttal, Tochter des früheren Schulzen und Oberschulzen Christian H. und seiner ersten Ehefrau Anna-Maria, geb. Flaig. Maria verh. sich etwa 1909 mit Johann Heier, Sohn des letzten Oberschulzen Johann Georg H. und seiner Ehefrau Katherina, geb. Ruff. Sie war schwanger, fiel von einem Traubenwagen und ist später gestorben”.

“1915 Andreas Fode, geb. am 17. 8. 1863 in Alt-Posttal, Bauer u. Stellmacher, verh. oder in zweiter Ehe mit Dorothea, geb. Schlenker. Seine Pferde wurden 1916 durch Kälber verschüchtert und sind durchgegangen, dann ist er vom Erntewagen gefallen, erlitt schwere Verletzungen und starb”.

“1916 Andreas Fode, 52 Jahre alt, vom Wagen gefallen”.

О столкновении с дышлом, лошадью:

“18974 Jakob Kroll, 46 Jahre alt, tot infolge eines Sturzes vom Heuwagen”.

“1879 Johann Broß, 13 Jahre alt, tot infolge eines Sturzes vom Wagen”.

“1929 Emanuel Sauter, geb. 1904 in Alt-Posttal, Juhgbauer, ledig, Sohn des Georg S. und der Katherina, geb. Lehr, wurde vom Pferd in den Bauch getreten und ist an inneren Verletzungen gestorben”.

О падении с телеги, попадании под лошадь (между лошадьми):

“1888 Martin Sauter, geb. am 8. 11. 1820 in Sakowitz (Polen), verh. mit Barbara, geb. Jauch, geb. am 2. 9. 1821 in Wittenberg/Bess., verunglückte während der Traubenernte. Er hat beim Heimfahren bergabwärts die Deichsel heruntergedrückt, ist dabei gefallen, ein Pferd trat ihm auf die Brust, er wurde schwer verletzt und starb daran”.

“1911 Albert Wiese, 12 oder 13 Jahre alt, Sohn des Heinrich W. und seiner ersten oder Ehefrau Barbara, geb. Kalmbach (Schwester von Prof. Christian K.), ist vom Heuwagen herunter zwischen die Pferde gefallen, wurde schwer verletzt und ist am nächsten Tag gestorben”.

“1930 Christian Heier, geb. am 12. 9. 1862 in Alt-Posttal, Bauer und Sattler, ehemaliger Schulz und Oberschulz in Alt-Posttal, verzog 1919 mit seiner Familie nach Jekaterinowka/Bess.. Am 29. Oktober fuhr er nach Wischniowka/Bess., wo mehrere ehemalige Alt-Posttaler wohnten und wollte dort einen Freund besuchen. Etwa 5 km vor Wischniowka tränkte er seine Pferde. Beim Aufzäumen sind sie scheu geworden, rannten los, so daß er rückwärts stürzte, wobei ihm die Schlagader platzte und das den plötzlichen Tod verursachte”.

Иногда происходило и так, что в результате несчастного случая вместе с хозяином гибла и его лошадь, например, из-за неожиданного падения в глубокий овраг, вырытую яму, траншею, могильную шахту, ущелье, о чем свидетельствуют, например, ТС:

“1932 Ein Gagause ist mit seinem Fuhrwerk in die tiefe Klenge (Grabenschlucht) nordwestlich der Kreuzstraße gestürzt und umgekommen. Dabei wurde auch ein Pferd getötet, das andere schwer verletzt und der Wagen zerbrochen. Seine Frau und Angehörige kamen, stellten brennende Kerzen neben ihn und haben damit ihren orthodoxen Glauben bezeugt. Sie mußten warten bis die Polizei alles untersucht hatte und die Erlaubnis gab, ihn in den Heimatort zu überführen”.

Примечательно, что потерю (смерть) своего коня немецкий колонист считал даже большей потерей, чем смерть жены, о чем свидетельствует известная в свое время поговорка *“Wenn Pferd’ verrecken, das ist ein Schrecken. Wenn Weiber Sterben das ist kein Verderben”* (Bisle, 1993, p. 42).

Как в приведенных выше примерах ТС, так и в других текстах, информирующих об обстоятельствах трагической гибели людей, связанной с лошадьми, фигурируют названия разных видов повозок (телег), падение с которых под колеса этого широко распространенного в те времена вида грузового и пассажирского дорожного транспорта было смертельно опасным. Данную группу лексики сельского быта бессарабских немцев составляют морфологически мотивированные слова, значение которых выводится из суммы значений входящих в них компонентов, напр., *Heuwagen* – повозка для сена, *Traubenwagen* – повозка для транспортировки винограда.

Следует отметить, что в 1850 г. в немецких колониях были организованы специальные кустарные мастерские по изготовлению грузовых телег, которые благодаря своей надежности и вместительности сразу же получили широкое признание среди немецких земледельцев. Одним из ярких примеров инновационного технического мастерства немцев является также история появления в Бессарабии сельского металлического транспорта, о которой рассказывает в своей работе У. Шмидт: *“Поселившийся в Теплице кузнец Йоганн Бухфинк, первым наладил там производство конных телег с металлической осью. В 1833 г. такая телега продавалась за 50 рублей. Этот вид транспорта, получивший название по имени своего изобретателя – Buehfinkwagen, постоянно совершенствовался и уже спустя короткое время полностью заменил, так называемые «молдавские подводы», а также русские с немецкими названиями «Vügel- und Felgenwagen», снабженные деревянной осью”* (Schmidt, 2008, pp. 185-186) (пер. авт. – Н. Г.).

В таких больших бессарабских колониях, как Тарутино и Сарата, размещались механический и сталелитейный заводы, где изготавливались сельскохозяйственные орудия труда и некоторые детали для транспортных средств, немецкие названия которых со временем закрепились в лексиконе не немецкого населения региона: *шина*

от нем. *Schiene* – узкая металлическая полоска в деревянном колесе; бендуг от нем. *Bindwagen* – телега для перевозки снопов; дышел или дышло от нем. *Dischel* – толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки при парной запряжке; лейтри от нем. *Leiter* – повозка с лестницами.

Своего рода уникальным можно считать ТС, в котором фигурирует название домашнего животного *Kuh* (корова), напавшего на своего хозяина, в результате чего мужчина скончался от травм, о чем свидетельствует ТС:

“1925 Friedrich Irion, geb. am 22. 11. 1881 in Alt-Posttal, Bauer, verh. mit Maria, geb. Schöttle, mußte im besten Mannesalter sterben. Im Mai hatte eine seiner Kühe im Windmühlental auf der Weide gekalbt. Als der Hirte die Herde vor Abend heimtrieb, ging das kleine Kälbchen mit seiner Kuhmutter bis zum “Weißen Stein”, dort legte es sich hin und sie blieb bei ihm stehen. Die Kuh war so wild geworden, der Hirte durfte nicht in die Nähe kommen. Er hat Familie Irion benachrichtigt, worauf Friedrich und sein kleiner Sohn Emanuel mit ihm gingen. Als Friedrich das Kälbchen anfassen wollte, sprang die etwas abseits stehende Kuh hinzu, stieß ihn nieder und rannte weg. Aber als der Hirte es auf die Schultern nahm, um es heimzutragen, kam sie zurückgerannt. Aus Angst sind sie davon gelaufen. Nach einer Weile lief die Kuh heimwärts.

Die Stellen, an denen die Kuh Friedrich gestoßen hatte, sind ganz schwarz geworden. Man benutzte Spiritus zum Einreiben und brachte ihn zum Heilpraktiker Friedrich Broß, welcher alles tat, was er konnte. Gleichzeitig hat er empfohlen, unbedingt einen Arzt aufzusuchen, was auch befolgt wurde. Friedrichs Zustand verschlechterte sich ständig, er hat aber immer noch gearbeitet. Am 30. September ist sein jüngster Sohn Friedrich geboren. Diese letzte irdische Freude war für ihn nur noch von kurzer Dauer, weil er schon am 11. Oktober sterben mußte”.

Неожиданная агрессия коровы, отличающейся своим достаточно спокойным характером и мирным поведением, была, очевидно, вызвана природным рефлексом защиты своего новорожденного ребенка (теленка).

Наряду с оригинальными лексическими маркерами панорамы села, которыми пестрит приведенный выше текст ТС, в частности: *Bauer, Windmühlental, Weide, Hirte, Herde, Kuh, Kälbchen, Heilpraktiker*, особое внимание привлекает название *Weißer Stein* – белый камень, высотой около двух метров, который “стоял недалеко от центральной улицы, на западе немецкой колонии Альт-Постталь, и о котором знали не только все жители этого села, но и колонисты многих соседних поселков” (Gäckle, 1983, p. 418). С ним был связан один интересный случай спасения человека от смерти в бессарабской степи. “Это произошло зимой, до или после 1870 года, точной даты, к сожалению, никто уже не помнит. Один из жителей Альт-Постталя по имени Иоганн Эйман, возвращаясь зимой домой из другого села, попал в страшную снежную бурю. Вьюга была такой сильной, что даже на самом близком расстоянии ничего нельзя было разглядеть, и Иоганн заблудился.

Многие люди, которые в зимнюю стужу по разным причинам сбивались в степи с дороги, замерзали или умирали от нападения на них голодных волков. Однако случалось и так, что заблудившихся спасали звонь церковного колокола, которые становились своеобразным ориентиром для тех, кто искал дорогу до села. Эти звонь спасли в ту ночь и жизнь Эймана.

Позже, на месте, откуда он слышал спасительные звуки церковного колокола, Йоганн установил большой белый камень, за которым ухаживал до конца своей жизни. Так он благодарил Бога и людей за их милосердие и помощь”.

Когда случалось что-то трагическое, свидетель происшествия мчался словно ветер по селу от дома к дому и сообщал о нем всем жителям. Потрясенные от услышанного люди, мгновенно оставляли все свои дела и спешили к месту несчастного случая, одни из любопытства, другие, чтобы выразить свое сочувствие или оказать помощь потерпевшему. Особым случаем экстренной помощи женщине, на которой горела одежда, является содействие в тушении огня юноши-болгарина, который обучался кузнечному делу у ее мужа – немецкого колониста Йогана Витке. *“В октябре 1908 года Катарина Витке во время побелки потолка в помещении кухни, стала на плиту. Когда вдруг загорелся подол ее платья и через мгновение огонь охватил всю одежду, женщина от испуга выбежала во двор. Находившийся там ученик тут же принялся тушить огонь руками, в результате чего получил сильные ожоги. Муж Катаринь в этот день ездил по делам в другое село и, к сожалению, не мог предотвратить трагедию. Вскоре от ожогов женщина умерла, оставив пятерых маленьких детей”.*

Говоря о трагической гибели молодой женщины, нельзя не упомянуть о том, что на долю немецких женщин выпали, пожалуй, наибольшие трудности на земле их второй Родины. По словам Эльвиры Бисле, если зимой мужчины могли себе позволить немного отдохнуть от тяжелой работы в поле, то женщинам, которые работали весной, летом и осенью с ними наравне, приходилось продолжать трудиться, не покладая рук. Они шили, вязали, плели пряжу, следили за порядком в доме и в хозяйственных помещениях, поддерживали чистоту в подвалах, воспитывали детей, готовили пищу и выполняли много других домашних дел. Автор книги, в частности, отмечает: *“Zuerst hatte die Frau den Mann, den Herrn zufriedenzustellen, als nächstes hatte sie die Kinder zu versorgen, das waren gewöhnlich eine ganze Reihe, danach war das Haus zu beschicken, und erst als Letztes durfte eine Frau an sich denken. Außerdem mußte sie Vermittlerin sein zwischen den Wünschen des Mannes und denen der Kinder”* (Bisle, 1993, p. 42) (*“Сначала женщина должна была угодить своему мужу, потом хорошо ухаживать за детьми, которых обычно было у нее много, затем обойти дом и хозяйство и только потом, в последнюю очередь, могла подумать о себе. Кроме того, она всегда была посредником между желаниями мужчины и желаниями детей”*).

Трудовая и бытовая деятельность людей, а вернее, ошибки и оплошности, допущенные при выполнении определенных работ, достаточно часто становились причиной их трагической гибели, о чем свидетельствуют, например, такие ТС:

“1927 Oskar Anhorn, geb. 1913 in Alt-Posttal, Sohn des Josef A. und der Leontine, geb. Sept., ist in einer Lehmgrube tödlich verunglückt.”

“1933 Adolf Roth, geb. am 5. 2. 1893 in Lichtental/Bess., Leiter und Kassierer des Konsumgeschäftes “Reforma”, verh. mit Mathilde, geb. Bohnet, stieg am 12. August auf das Gerüst an seinem Hause, um die Verputzarbeiten zu besichtigen, dabei ist er abgestürzt und brach sich ein Bein. Er starb am 22. August an Blutvergiftung.”

Названия разного рода строительных площадок, объектов и приспособлений в ТС нередко связаны с жилыми и хозяйственными постройками, в т.ч. домами, так называемого, третьего поколения (после 1900 г.), отличающиеся своей надежностью и экономичностью, доказательством чего является то, что в них и теперь, спустя много лет, живут люди – современные обитатели бывших немецких колоний. Как правило, это 2,5-этажные здания с глубоким каменным фундаментом и цокольными помещениями для домашней прислуги и сезонных работников. Наряду со множеством комнат, предназначенных для разных бытовых нужд, одной из наиболее самобытных является та, что носила название *Baschke* (*ба́шка*) – полуподвальное помещение, за которым начинался погреб с вдвое большей глубиной пола. В центре башки вертикально устанавливалась большая дубовая бочка, днище которой служило столом, где зимой всегда стояли кувшин с вином, стаканы и еда: белый хлеб, соленые огурцы, помидоры, квашеные капуста, яблоки, арбузы, домашняя колбаса, сало и пр. домашние деликатесы. В этой связи отметим, что собирательным названием для этих и других продуктов на столе в башке служило заимствованное из русского языка слово *Saguska*, в котором отмечаем фонетический процесс замены глухого согласного звука (к) парным ему звонким (г) в слабой позиции. Добавление отсутствующего в заимствованном слове звука (х) наблюдаем в названии *Harbusen* (от русс. *арбуз*). Эти сочные и сладкие ягоды традиционно выращивали в каждом немецком хозяйстве южной Бессарабии на отдельно отведенных солнечных участках, именуемых *baumtan*. Это название со временем ассимилировалось в речи немцев в неизменной фонетической форме, получив свое графическое отображение в виде слова *Baschtan*, которое нарушает принцип орфографического фиксирования сочетания звуков (ʃ), (t), что, в свою очередь, определяет специфику данной лексической единицы.

Вкусное кушанье каждый хозяин готовил заранее для угощения своих гостей и дружеского общения с ними “под стаканчик” домашнего вина. Поэтому нередко поздней осенью, а чаще всего зимой, когда у земледельцев было не так много работы, в башке звучал такой веселый тост: *“Du Ritter, lieber Rotwein, du stärkst mir meine Glieder, ich habe dich geschnitten. Ich habe dich gebunden und nun wirfst du mich vom Schemel runter, das soll deine letzte Strafe sein. Marsch die Kehle runter!”* Под рассказы о

разных событиях, обсуждение дел в хозяйствах и нехитрые разговоры мужчины переходили от одной бочки к другой с белым, красным и розовым вином с названием *Schiller-Wein* (*Шиллер-вайн*), образованного путем сложения двух слов, одно из которых является антропонимом (*Schiller*), а другое – названием алкогольного напитка, получаемого в результате брожения виноградного сока.

Из стихотворения Эрвина Морица “*Tarutinoer Winter-Sonntag*” узнаем, что этот сорт вина можно было попробовать также в местном питейном заведении, именовавшимся украинским словом *шинок*: “*Bin doch nich desich, Sahne-Tant, sagt Wolde und zählt seine Lei: denn er verträgt schon allerhand an Schiller-Wein – und hat heut frei*”. К указанному названию следует добавить еще два наименования вина: *Saiber* и *Taras*, о которых упоминается в стихотворении жительницы села Бенкендорф: “*D’rum, o Saiber und Taras, Oi, pomiluitje sche ras!*” Если сорт винограда и соответственно название вина *Зайбер*, которое происходит от имени французского селекционера Альберта Сейбея, и теперь очень хорошо известны жителям нашего региона, то забытое название *Тарас* с уверенностью можно считать оригинальным лексическим маркером истории бессарабских немцев и отнести к разряду слов-реалий, как и вышеупомянутые лексические единицы, определяющие культурные традиции быта бессарабских немцев.

Таким образом, лингвокультурологический анализ лексики сельского быта текстов сообщений о трагических происшествиях в немецких колониях на юге Бессарабии (на примере с. Альт-Посталь) позволил установить денотативно-сигнификативные группы слов с функцией номинации объектов предметно-материального мира, обнаружить в них факты заимствований и особенностей их ассимиляции в речи колонистов, выделить языковые единицы, формирующие лексико-семантический центр микрополя “сельский быт”, а также определить их связь с экстралингвистическими факторами, под влиянием которых происходило образование новых языковых единств, которые в рамках ТС выступают лингвальными маркерами их национально-культурной специфики.

Историко-культурный пласт лексики текстового материала периода немецкой колонизации придунайского региона требует дальнейшего исследования с точки зрения его национальной и региональной специфики в формате ономастики и семиотики, а также в контексте коммуникации, прагматики, когнитологии, социо- и этнолингвистики.

References

- Bisle, E. (1993). *Tarutino das Zentrum der Deutschen in Bessarabien/Tarutino the center of the Germans in Bessarabia*. Herausgegeben von Elvire Bisle, p. 620.
- Gäckle, H. (1983). *Geschichte der Gemeinde Alt-Posttal (Bessarabien)/History of the Municipality Alt-Posttal Bessarabia*. Herausgegeben vom Alt-Posttaler Heimatausschuß zum 160. Jahrestag der Gründung der Gemeinde 1823-1983, p. 1028.
- Golovina, N. (2017). Flora and fauna of the Danube Region in the folk medicine of Bessarabian germans 1814/1940: pragmatic aspect. *Journal of Danubian Studies and Research*, Vol 7, No 2, pp. 83-100.
- Golovina, N. (2018). *Agriculture of the Danube region in the discourse of Bessarabian Germans (1814/1940)*. *Journal of Danubian Studies and Research*, Vol 8, No 2, pp. 110-122.
- Golovina, N. (2019). Wedding culture traditions of germans in Bessarabia (1814/1940)/*Journal of Danubian Studies and Research*, Vol 9, No 1, pp. 131-143.
- Golovina, N. (2019). *Foreign elements in the speech in of Bessarabian germans of colonia Tarutino (1814/1940) (on the example of the poem by E. Moritz "Tarutinoer Winter Sunday")*. *Perspectivale și Problemele Integrării în Spațiul European al Cercetării și Educației*. Universitatea de Stat "B.P. Hasdeu" din Cahul. Volumul VI. Part 2, pp. 346-350.
- Kohl J. (1841). *Reisen in Südrußland. Zweiter Teil. Bessarabien. Zur Charakteristik der pontischen Steppen. Die Karaiten/Travel in southern Russia. Second part. Bessarabia. Characteristic of the Pontic steppes. The Karaites*. Dresden und Leipzig, in der Arnoldischen Buchhandlung, p. 270.
- Schmidt, U. (2008). *Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer/Bessarabia. German colonists on the Black Sea*. Deutsches Kulturzentrum östliches Europas e.V., p. 419.
- Weiß, M. (1923). *Die deutsche Kolonie Alt-Posttal/The German colony Alt-Posttal*. Festschrift der Hundertjahrfeier 1823 bis 1923, pp. 35-39.